

RAKHIMOV Ramil Nasibullovich, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Head of the Department of Russian History, Historiography and Source Study, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University (32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia; rakhimovrn@mail.ru)*

YEFIMENKO Anton Dmitriyevich, *Master's student of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Bashkir State University (32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia; pajikat97@mail.ru)*

WHAT IS ALLOWED TO JUPITER ... FEATURES OF THE NATIONAL POLICY IN THE BASHKIR ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. *The article examines the transformation of national policy during the Great Patriotic War from internationalism to Russian nationalism, and by the end of the war – the balance within the framework of «Soviet patriotism». «In the situation of national autonomies, the party and creative elites did not have time to note new accents of national policy, the inertia of patriotic education was based on the developed algorithm and the established pantheon of national heroes. All this led to a break in ideas about the content of national policy between the center and the periphery. The author notes that the contradictions between the flexibility of ideas in the national policy of the party leadership, and the standard understanding of it at the local level, led to serious interference by the center in the social life of the autonomous republics in 1944–1945.*

Keywords: *national policy, Bashkir ASSR, Great Patriotic War, patriotic education*

ЦИБЕНКО Вероника Витальевна – кандидат исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105; tsibenkovv@sfnu.ru)

ТЛОСТНАКОВ Аскер Асланович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105; tlostnakov@sfnu.ru)

РЕПАТРИАЦИЯ ЧЕРКЕСОВ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. *Статья посвящена репатриации черкесов, рассматриваемой как ресурс черкесского национально-государственного строительства. Авторы анализируют один из новейших подходов к репатриации, определяющий ее как транснациональное явление. Через погружение в историю «черкесской репатриации» и анализ основных акторов этого процесса авторами определены предпосылки для формирования транснационального подхода к репатриации, раскрыты его сущностные характеристики и ключевые акторы.*

Ключевые слова: *черкесы, Кавказ, репатриация, диаспора, национально-государственное строительство, транснациональная модель репатриации*

Термин «репатриация» (от лат. *repatrio*, «возвращаться на родину») широко распространен в научной и правовой сферах в применении к людям, ценностям искусства и даже финансовым капиталам. В отношении диаспоры репатриация понимается как добровольное возвращение в страну происхождения или на историческую родину первого и последующих поколений, и также

называется исследователями «возвратной миграцией» или «этнической возвратной миграцией».

Как правило, политику репатриации и нацеленные на ее реализацию программы развивают государственные власти для «титульной» нации [Zeveleva 2014: 808 – 809], рассматривая репатриацию как инструмент решения стоящих перед ними экономических, демографических и политических проблем. В рассматриваемом нами случае черкесской репатриации такое государство – Черкесия существует лишь виртуально, как политический проект. То же касается и «титульной» черкесской нации, которая на данный момент носит характер “nationinthe making”.

«Субстратом» для черкесского нациестроительства на Кавказе выступает объединяемое экзотонимом «черкес» адыгское население трех северокавказских республик (Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия), т.е. адыгейцы, кабардинцы, черкесы, а также причерноморские шапсуги, проживающие в Краснодарском крае¹, за рубежом – так называемая черкесская диаспора – этнически разнородная группа², состоящая преимущественно из потомков кавказских мусульман, переселившихся в Османскую империю во второй половине XIX в. в ходе присоединения Кавказа к России. Основная часть диаспоры проживает на постосманском пространстве (в первую очередь, в Турции), а в результате экономически и политически мотивированных миграций XX в., еще и в Европе, США и в не больших количествах в ряде других стран.

При отсутствии собственного национального черкесского государства «репатриация черкесов» существует как концепт, политика, конкретные программы и практики, объединяющие представителей местных кавказских властей, интеллигенции, общественников, активистов и, собственно, репатриантов (в том числе, потенциальных) на Кавказе и в диаспоре за рубежом. Мы объясняем этот феномен важной ролью репатриации как части черкесского нациестроительства: развивая идею родины и диаспоры, стремящихся навстречу друг другу, черкесские национальные антрепренеры конструируют образ потенциально единой, а на данный момент разделенной черкесской нации. В таких обстоятельствах репатриация становится важным ресурсом национальной мобилизации и может рассматриваться как часть политики нациестроительства.

При этом раздельное проживание членов потенциальной нации в разных культурных, экономических и социально-политических условиях и фактическое отсутствие между ними контактов до распада Советского Союза осложняют их сближение и порождают вариативность подходов к репатриации.

В данной статье мы рассмотрим один из новейших таких подходов, определяющий репатриацию как транснациональное явление. Причем мы берем репатриацию одновременно в трех измерениях: как концепт, политику и связанную с ней практику.

В ходе исследования нашего кейса мы привлекаем аутентичные тексты заявлений, выступлений и интервью акторов в СМИ; полевые материалы, собранные нами в результате полевых исследований на Кавказе и в Турции в 2017 –

¹ Согласно последней переписи населения 2010 г. в России проживает 520 тыс. кабардинцев, 128,5 тыс. адыгейцев, 60,5 тыс. черкесов и 3,2 шапсугов.

² Включает помимо адыгов абхазов, осетин, чеченцев, ингушей, дагестанцев, карачаевцев и балкарцев. По разным оценкам составляет от 200 тыс. до 12 млн чел.

2020 г.¹. Мы также выделяем близкое нашей теме исследование [Эрджиес 2020] социолога из Турции с шапсугскими корнями –Жаде Джемре Эрджиес, которая не только изучает, но и пропагандирует новый транснациональный подход к репатриации, в том числе разрабатывая с 2008 по 2019 г. соответствующие программы в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия.

Начинать отсчет возникновения темы «репатриации черкесов» можно еще со времен массового исхода кавказцев в Османскую империю (1858-1865 гг.), поскольку переселение рассматривалось ими в основном как вынужденная и временная мера [Кушхабиев 2019: 19]. Следует, однако, сделать оговорку, что общечеркесское самосознание не было тогда укоренено на Кавказе. Лишь второе поколение кавказцев в диаспоре, восприняв обобщающее иноназвание «черкес», впервые выработало осознанную политику возвращения на Кавказ через основанное в Стамбуле в 1908 г. Черкесское общество единения и взаимопомощи [Güçtekin 2013].

С распадом Османской империи и образованием Турецкой Республики, развивавшей собственно турецкий национальный проект, черкесы надолго лишились субъектности в Турции, не имея возможности проявлять кавказскую культуру и идентичность, отличную от турецкой². На арабском Ближнем Востоке кавказцы предпринимали попытки массового возвращения уже с 1920-х гг., однако не могли получить разрешение советского руководства [Кушхабиев 2019: 71]. Репатриация на Кавказ как осознанная политика вновь стала актуальной в 70-е гг. в Турции в левацкой среде как реакция нетюркских этнических групп на развитие ультранационалистических настроений в молодежной среде.

Важную роль в установлении контактов с черкесской диаспорой сыграло открытое в 1966 г. Кабардино-Балкарское отделение³ Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Комитет проводил «патриотическую работу» в странах капиталистического блока, в ходе которой у представителей диаспоры появлялась возможность контактов и даже приездов на Кавказ [Чочиев 2015: 81].

Хотя отдельные репатрианты начали переселяться на историческую родину из Сирии и Иордании еще до 1990-х гг., движимые концептом репатриации, репатриация как политика и коллективная практика стала актуальна только после падения «железного занавеса». Сразу после распада Советского союза на Кавказ стали приезжать представители диаспоры, желающие получить образование, построить свой бизнес и обосноваться на исторической родине. Большинство из них обрело черкеской-общекавказской идентичностью, что стало напрямую влиять на идентичность постсоветских адыгов, в среде которых в результате советской социальной инженерии было укоренено четкое разделение на адыгейскую, кабардинскую, черкесскую и шапсугскую национальности.

К началу 2000-х гг. с учетом поддержанного российскими властями переселения из охваченной войной Югославии 170-и косовских черкесов, общая численность репатриантов в Адыгее и Кабардино-Балкарии составила 2335 чел.

¹ Три полевых исследования в Турции (Стамбул и Анкара), пять – на Кавказе (по одному в Республике Адыгее и Республике Абхазия, три – в Кабардино-Балкарской Республике), включавшие анкетирование и глубинные интервью с репатриантами из Турции, Сирии и Иордании, экспертами, представителями профильных ведомств на Кавказе и руководителями некоммерческих организаций, оказывающих поддержку репатриации.

² Подробнее см. Цибенко 2019.

³ Во второй половине 80-х гг. отделение также было открыто в Адыгее.

[Кушхабиев 2013: 179]. После этого репатриация существенно замедлила свои темпы, вплоть до военно-политического кризиса 2011 г. в Сирии, когда в числе сирийских беженцев охваченную гражданской войной страну покидали и черкесы. Из них около одной тысячи переселились на Кавказ — преимущественно в Кабардино-Балкарию, Адыгею и Абхазию.

По оценкам чиновников и руководителей адыгских общественных организаций, число репатриантов в настоящее время составляет от 3 до 3,5 тыс. чел.¹ Таким образом, к настоящему времени репатриация так и не получила масштабного характера и не привлекла ожидаемые десятки и сотни тысяч репатриантов. Более того, часть из обосновавшихся на Кавказе репатриантов разных волн впоследствии вернулись в свои диаспоры или переехали в Европу и США в поисках более комфортных условий для проживания.

Важно отметить, что репатриация изначально носила «черкесский» характер, поскольку репатрианты, как правило, обладали при переселении на Кавказ именно черкесской идентичностью. В ходе проведения полевых исследований мы не раз убеждались, что при выборе республики для репатриации черкесы диаспоры руководствовались прежде всего не этническими корнями и родовыми привязками к конкретным локациям, а экономическими и политическими соображениями, воспринимая Кавказ в целом как свою историческую родину.

Ведущую роль в развитии репатриации на Кавказе в постсоветское время играла созданная в 1991 г. Международная черкесская ассоциация (МЧА), которая уже при создании обозначила массовое возвращение черкесов на историческую родину в качестве приоритетного направления своей деятельности. Ассоциация, как и в целом черкесское национальное движение, ключевым основанием для репатриации считало международное признание «геноцида» черкесов царской Россией в XIX в. с возложением обязательств на современную Россию как ее правопреемницу обеспечить все условия для массового возвращения черкесов — материальные компенсации, двойное гражданство, объединение «черкесских территорий». Еще одним пунктом стало признание зарубежных черкесов соотечественниками в РФ с включением в соответствующие программы поддержки репатриации и выдачи российского гражданства.

За годы своего существования МЧА направила множество обращений к местным и федеральным властям, а также в международные организации с просьбами или требованиями признать «геноцид», а черкесов — «народом-изгнанником». С 2000-х гг. МЧА почти прекратила подобную деятельность, однако значительно активизировалась для поддержки репатриации сирийских черкесов в 2010-х гг.

Кроме того, в Адыгее и Кабардино-Балкарии в разные годы были открыты региональные государственные учреждения, общественные организации и фонды для помощи репатриантам в адаптации. Многие из них были созданы в 1990-е гг. в связи с ожиданиями массовой репатриации зарубежных черкесов, проработкой вопроса репатриации на государственном уровне и принятием в обеих республиках законов «О репатриации». Однако несоответствие реального масштаба репатриации ожидаемому привело к тому, что все эти организации в настоящее время либо прекратили свою деятельность, либо заметно снизили активность.

Важно отметить, что продвижением идеи репатриации черкесов на Кавказ

¹ Пономарев О. Хаути Сохроков: Репатриация адыгов является важнейшей проблемой. — Информационно-аналитический портал «Кавказ Сегодня». 01.05.2020. Доступ: <https://kavtoday.ru/article/5386> (проверено 20.11.2020).

занимались представители местных властей, которые фактически рассматривали репатриацию черкесов как политический ресурс, мобилирующий адыгское население республик вокруг сильных политических лидеров. Так, основную поддержку репатриация черкесов получила в 90-е гг. от президента Адыгеи Аслана Джаримова, при котором состоялось переселение черкесов из Косово, а в ее осуществлении принимали участие министр культуры Республики Адыгея Газий Чемсо и главный редактор республиканской газеты «Адыгэмакъ», председатель общественного фонда «Самгъур» Асфар Куек. В 2010-е гг. роль политического покровителя репатриации играл сенатор от Кабардино-Балкарии Альберт Кажаров, который и после своей смерти 2013 г. воспринимается как знаковая фигура для черкесского национального движения¹. Существенную финансовую поддержку репатриантам оказали черкесские политики и меценаты Арсен Каноков в Кабардино-Балкарии, Хазрет Совмен и Хазрет Чемсо в Адыгее и Рауф Арашуков в Карачаево-Черкесии.

В последние годы в Адыгее продвижением идеи репатриации и адаптацией репатриантов занимаются государственные учреждения или общественные организации, тесно связанные с региональными властями. Руководство республики, заинтересованное в развитии интенсивных экономических и культурных связей с диаспорой, обращается к теме репатриации, как к одной из основных при выстраивании диалога с лидерами диаспоры. Таким образом, концепт «репатриации» приобретает значение политического ресурса для региональных властей.

Функция выстраивания контактов с диаспорой и решение вопросов, связанных с репатриантами, возложена на республиканский комитет по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации, созданного в 2006 г. Кроме того, в Адыгее с 1998 г. функционирует единственный в России Центр адаптации репатриантов. Также, с 1997 г. в республике функционирует Фонд помощи репатриантам, в создании и работе которого активное участие принимали сами репатрианты.

В то же время в Кабардино-Балкарии решением проблем репатриантов занимаются Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарии, а также общественные организации «Пэрыт» (адыг. «авангард»)² и «Жьэгуг» (адыг. «очаг»)³, деятельность которых направлена на правовую и социально-бытовую и финансовую помощь репатриантам.

За рубежом при формальном отсутствии вовлеченности в процессы репатриации властей государств проживания диаспоры наиболее активна в данной теме ключевая диаспоральная черкесская организация Турции — созданная в 2003 г. с центром в Анкаре Федерация кавказских ассоциаций (Каффед), объединяющая 53 черкесских НКО.

Федерация последовательно поддерживает тему репатриации черкесов, разрабатывая долгосрочную стратегию возвращения диаспоры на историческую

¹ Одним из неосуществленных проектов Кажарова стал отдельный населенный пункт для репатриантов в Кабардино-Балкарии, который должен был стать аналогом а. Мафахабль в Адыгее.

² Создан в 2008 г. репатриантами первой волны. Главной целью организации является содействие репатриации зарубежных черкесов (адыгов) и оказание репатриантам помощи в правовых вопросах.

³ Создан в 2015 г. по инициативе участников группы «Помощь соотечественникам из Сирии» социальной сети «Facebook». На протяжении пяти лет волонтеры организации проводят благотворительные акции, собирая для репатриантов деньги, мебель, вещи и продукты питания.

родину как основное средство предотвращения национального исчезновения в странах проживания. Кроме того, в рамках своей политической деятельности федерация требует от России и Турции признания права черкесов на репатриацию, предоставления черкесам двойного гражданства и трансфера социальных прав, создания законодательной базы для репатриации. Также Каффед периодически оказывает давление на руководство МЧА для активизации ее действий по отстаиванию прав черкесов на массовую репатриацию.

С 2015 г. Каффед совместно с неформальным сетевым объединением «Движение Черкесии» проводило акцию «21 мая мы в Черкесии» — поездку черкесов в северокавказские республики для участия в траурных мероприятиях в годовщину «геноцида» черкесов (в России отмечается как «День памяти и скорби» по погибшим в Кавказской войне). Основная цель акции — стимулировать процесс репатриации и заявить российским властям о праве черкесов диаспоры на возвращение на историческую родину.

Аналогичным образом конкурирующая с Каффед Федерация черкесских ассоциаций (Черкес-Фед) с центром в Стамбуле, возникшая в 2013 г. и включающая 13 организаций, основную свою активность в части репатриации посвящает сирийским черкесам в сотрудничестве с турецкими властями.

Наиболее последовательную политику по репатриации проводит уже упоминавшееся выше Движение Черкесии, функционирующее не только в Турции, но также в Германии и на Кавказе. Движение формулирует классическую этнонациональную (не общекавказскую, а адыгскую) идеологию, обязательной задачей которой является массовая репатриация, стратегической целью — формирование черкесской нации, а искомым итогом — «воссоздание исторической Черкесии». В рамках политики репатриации движение считает обязательным признание «геноцида» черкесов и права возвращения на родину, предоставление двойного гражданства, экономическую, политическую и демографическую поддержку исторической родины, формирование черкесского самосознания у молодежи. У движения также развита и практика репатриации — в том числе, попытку «возвращения» на историческую родину предпринял в 2017 г. лидер сети Тарик Топчу (псевдоним Хатко Шамис). Однако спустя два года активист был депортирован в Турцию без права посещать Россию в течение 35 лет.

В Европе, помимо Движения Черкесии, тему репатриации среди черкесов популяризирует также Федерация черкесских культурных ассоциаций Европы, которая, как член МЧА, активно сотрудничает с организациями на Кавказе, однако репатриации оказывает только информационную поддержку.

Единственная специализированная черкесская организация за рубежом — созданная в 2014 г. с центром в Канаде и филиалом в США Черкесская организация поддержки репатриации, стратегия деятельности которой содержит прямой призыв оказывать финансовую поддержку возвращающимся Северный Кавказ черкесам. Посредством краудфандинга организация собирает деньги и выдает их в виде грантов для малого бизнеса репатриантам. Однако следует отметить, что ни один из наших респондентов в ходе полевых исследований на Кавказе и в Турции либо не слышал об организации, либо не знает никого, кто с ней бы контактировал.

В ходе наших полевых исследований на Кавказе и в Турции большое внимание при проведении интервью мы уделяли оценке акторами репатриации, непосредственно включенными в процесс, перспектив массового «возвращения» черкесов на историческую родину. Все без исключения опрошенные нами общественные деятели, активисты и репатрианты однозначно заявляли о том, что условий для массовой репатриации черкесов как в России, так и в зарубежной диаспоре на данном этапе нет и не предвидится в ближайшем будущем.

Причины этого выделяли разные: от недостаточной готовности российских властей идти на уступки до недостаточно благоприятных экономических и социальных условий на Кавказе. В числе прочего сами репатрианты указывали на существенную разницу в менталитетах российских и зарубежных черкесов.

Мы можем сказать, что тема репатриации черкесов, в том виде, в котором она была сформулирована в 1990-е гг., очевидно испытывает кризис, в связи с чем представители черкесского национального движения в кавказских республиках и диаспоре пытаются переосмыслить существующие концепты репатриации и накопленный опыт практической их реализации. Результатом этого становятся новые модели репатриации, главная из которых опирается на транснационализм как концепт, способный придать новый смысл взаимодействию диаспоры и исторической родины.

Транснациональная модель репатриации и соответствующая политика были впервые открыто представлены в июле 2019 г. в Анкаре на конференции, посвященной проблеме репатриации черкесов, а также взаимоотношениям между черкесской диаспорой и исторической родиной¹. Там руководитель Каффед Йилдыз Шекерджи² представила новый концепт репатриации, указав на необходимость формирования новых практик, предполагающих не переселение на родину на постоянное место жительства с полным разрывом связей с диаспорой, а продолжение отношений как с исторической родиной, так и с диаспорой.

Согласно новой модели репатриации, репатриантом считается человек, проживающий в диаспоре, но посредством медиа-технологий и социальных сетей участвующий в социально-политических и культурных процессах на исторической родине, совершающий поездки на Кавказ в туристических, образовательных, медицинских или бизнес-целях. В случае же физического переезда связь репатрианта со страной рождения не прерывается.

Таким образом, снимается вопрос о массовой репатриации черкесов на Кавказ, нереалистичной в текущих условиях, а сама тема репатриации получает дополнительную актуальность. При этом вводится понимание репатриации, обосновывающее новую форму политического участия диаспоры в процессах, протекающих на Кавказе. Оставаясь гражданами своих стран проживания, черкесы начинают претендовать на полные политические права на исторической родине и дистанционное влияние на социально-политическую ситуацию.

Важнейшим аспектом новой модели репатриации является попытка обойти бюрократические препятствия с получением виз, вида на жительство и гражданство РФ через развитие альтернативных способов доступа на историческую родину. Развитие получает идея «ворот на Кавказ» для диаспоры через частично признанное независимое государство Абхазия. В рамках новой транснациональной модели предлагается политика принятия черкесской диаспоры (которая включает и абхазов) как диаспоры Республики Абхазия с мас-

¹ Dönüş ve Diaspora-Anavatan İlişkileri Konferansı ve Çalıştayı Yapıldı. — Kaffed. 08.07.2019. Доступ: <https://kaffed.org/haberler/federasyondan/item/3790-dönüş-ve-diaspora-anavatan-ilişkileri-konferansı-ve-çalıştayı-yapıldı.html> (проверено 20.11.2020). Полная запись конференции представлена в серии видео, представленных на канале федерации: DÖNÜŞ VE DİASPORA-ANAVATAN İLİŞKİLERİ KONFERANSI KAFFED — 1. — YouTube. МолэVideoMoleLevent KAPLAN Адыгэбзэ Нэтынхэр. 07.07.2019. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=C8f1xhSE6Do> (проверено 20.11.2020).

² KAFFED Genel Başkanı Yıldız Şekerci'nin «Dönüş ve Diaspora-Anavatan İlişkileri Konferansı» açılış konuşması. — Kaffed. 08.07.2019. Доступ: <https://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/3791-donus-konferans-acilis.html> (проверено 20.11.2020).

совой выдачей черкесам абхазского гражданства, чтобы они могли посещать республики Северного Кавказа по абхазским паспортам без российских виз. Фактически, Абхазия признается единственным независимым «черкесским» государством на Кавказе, которое может обеспечить диаспоре доступ к исторической родине.

В этой связи на конференции обсуждались перспективы облегчения для турецких черкесов процедуры получения абхазского гражданства. Озвучивалась позиция, согласно которой Абхазия должна создать для черкесов диаспоры некую срединную формулу получения абхазского гражданства, что усилит экономический и социально-политический потенциал самой республики, в которой абхазы сегодня составляют чуть более половины населения.

Переходя к истокам транснациональной модели репатриации черкесов, следует выделить в качестве ее основного вдохновителя и «проектировщика» Жале Джемре Эрджиес, которая работает над темой репатриации черкесов с 2005 г. и в 2014 г. защитила диссертацию по данной теме. Свои выводы и практические рекомендации, включенные в том числе в «Стратегию социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 г.», социолог подкрепляет собственными полевыми исследованиями в Абхазии, Адыгее и черкесской диаспоре Турции.

Как раз в ходе своих полевых исследований в диаспоре Эрджиес установила, что многие черкесы за рубежом, никогда не видевшие своими глазами исторической родины, воспринимают весь Кавказ как свой общий дом и не интересуются по отдельности кавказскими республиками, которые не несут для них никакого значения [Эрджиес 2020: 57]. Более того, при «возвращении» на историческую родину, они превращаются в «диаспору своей диаспоры», сохраняя связь со страной рождения и поддерживая вовлеченность в происходящие там процессы [Erciyes 2008] – аналогичные процессы фиксировали и мы на Кавказе, что выражалось характерной формулой: «у нас два дома, наши могилы по обе стороны».

В этой связи исследовательница выделила транснационализм как форму возвращения и отдельную категорию «транснациональных репатриантов», в которую входят «те, кто не оседают полностью у себя на родине, а предпочитают быть мобильными между двумя (или более) домами в диаспоре и на родине. Те, кто ездят туда и обратно по экономическим (торговля), политическим, культурным и социальным причинам» [Эрджиес 2020: 38].

В качестве решения, чтобы преодолеть «утопию репатриации», Эрджиес предлагает «признать народы адыгов, убыхов и абхазов, которые подверглись изгнанию и со временем перемешались между собой на иностранных землях, и называются общим названием «Черкесы», диаспорой единственной независимой республики на Кавказе – Абхазии. Народы эти, которых в Турции разделяет только язык, должны иметь возможность культурного объединения на родине, на Кавказе, и внести свой вклад в развитие независимого Абхазского государства» [Эрджиес 2020: 120]. Это предложение наглядно иллюстрирует ту связь, которая прослеживается между предложенной на конференции Каффед новой моделью репатриации и исследованиями турецкого социолога.

Прежде всего, следует отметить, что новая модель репатриации, построенная на концепте транснационализма, не нова в том смысле, что адаптирует к практическим задачам и политическим целям акторов репатриации разработки социально-гуманитарных наук последних нескольких десятилетий. Тема транснационализма давно и прочно обосновалась в миграционных и диаспоральных исследованиях, а ее внедрение в качестве концепта в практику

репатриации в очередной раз демонстрирует влияние ученых (в нашем случае, Жаде Джемре Эрджиес) на исследуемые ими процессы.

Основной интерес, на наш взгляд, представляет стоящий за транснациональной репатриацией концепт транснациональной нации (транснации). Ключевое препятствие, стоящее на пути черкесского национального движения к созданию нации, это множественность конкурирующих национальных проектов, предлагающих продолжить нациестроительство на основе либо советских национальностей, либо адыгского единства, либо адыго-абхазского братства, либо же общекавказского объединения. В этих условиях разрозненность и разнонаправленность устремлений потенциальных членов нации на Кавказе и в диаспоре может устраняться как раз при помощи концепта транснации или транснациональной политической нации, построенной по сетевому принципу¹. В этом случае транснациональный концепт репатриации как раз фиксирует и укрепляет это понимание нации и, при успешном развитии политики и практики такой репатриации, дает национальным антрепренерам надежду на желаемое национальное объединение.

Однако в текущих условиях существуют серьезные препятствия для реализации политики транснациональной репатриации. Так, несмотря на то, что власти Адыгеи и Кабардино-Балкарии заинтересованы в привлечении в экономику республик средств инвесторов из диаспоры и увеличении туристического потока за счет развития «ностальгического туризма», очевидно, что в планы властей не входит предоставление транснациональным репатриантам политических прав, включая избирательные права.

В данном контексте показателен недавний опыт Абхазии, где власти, ссылаясь на организационные сложности, не открыли избирательный участок в Турции, в результате чего представители диаспоры с абхазскими паспортами не смогли принять участие в выборах президента частично признанного государства. При этом в самой Абхазии некоторые политики и общественные деятели в открытую озвучивали опасения по поводу того, что исход выборов президента страны может быть предопределен не местными, а зарубежными абхазами.

Таким образом, при всей заманчивости транснационального подхода к репатриации для диаспоральных акторов с учетом его потенциала как ресурса для объединения черкесского национального движения, возможности его применения в текущих условиях представляются все же ограниченными.

Статья публикуется при поддержке Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан (грант Фонда президентских грантов 19-2-022447).

Список литературы

Кушхабиев А.В. 2013. *Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика*. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН. 224 с.

Цибенко В.В. 2019. Политизация этнических меньшинств в Турции на примере черкесов. — *Труды Института востоковедения РАН. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика*. Вып. 26. С. 59-72.

¹ См.: Галстян А. Армяне должны стать транснациональной политической нацией. — *NovostiNK*. 12.12.2017. Доступ: <http://novostink.ru/politics/221601-armyane-dolzheny-stat-transnacionalnoy-politicheskoy-naciyey.html> (проверено: 19.11.2020).

Чочиев Г. В. 2015. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945–2015 гг. – *Известия СОИГСИ*. № 17 (56). С. 78–88.

Эрджиев Ж.Д. 2020. *Адыго-абхазская диаспора и репатриация из Турции в Абхазию и Адыгею*. Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ». 128 с.

Erciyes J.C. 2008. Diaspora of Diaspora: Adyge-Abkhaz Returnees in the Ancestral Homeland. – *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 340–361.

Güçtekin N. 2013. Çerkes Teavün Mektebi (1910-1914). – *Yakın Dönem Türkiye Araştırmaları*. Vol. 12. Is. 23. P. 1–21.

Zeveleva O. 2014. Political Aspects of Repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A Comparative Analysis. – *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 42. No. 5. P. 808–827.

TSIBENKO Veronika Vital'evna, Cand. Sci. (Hist.), Director, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities, Southern Federal University (105 Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia, 344006; tsibenkovv@sfned.ru)

TLOSTNAKOV Asker Aslanovich, Cand. Sci. (Pol.Sci.), Senior Researcher, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities, Southern Federal University (105 Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia, 344006; tlostnakov@sfned.ru)

REPATRIATION OF CIRCASSIANS AS A RESOURCE FOR POLITICAL MOBILIZATION: A TRANSNATIONAL APPROACH

Abstract. The article is devoted to the issue of Circassian repatriation, considered as a resource for the Circassian nation-building. The authors analyze one of the newest approaches to repatriation, which defines it as transnational phenomenon. Through immersion in the history of Circassian repatriation and analysis of the main actors of this process, the authors identify prerequisites for the formation of the transnational approach to repatriation and reveal its essential characteristics and key actors. The transnational approach to repatriation does not mean resettlement to the homeland for permanent residence with a complete breakdown of ties with the diaspora, but the continuation of relations with both the historical homeland and the diaspora. The main point for authors is the concept of transnation which stands behind transnational repatriation. The authors come to the conclusion that the key obstacle standing in the way of the Circassian national movement towards the creation of a nation is the multiplicity of competing national projects proposing to continue nation-building on the basis of either Soviet nationalities, or Adyghe unity, or Adyghe-Abkhazian brotherhood, or an all-Caucasian unity. In these conditions, the fragmentation and multidirectional aspirations of potential members of the nation in the Caucasus and in the diaspora can be eliminated precisely with the help of the concept of transnation. The transnational concept of repatriation helps to strengthen this understanding of the Circassian nation and, with the successful development of the policy and practice of such repatriation, can lead to the desired national unification. However, there are serious obstacles to implementing the policy of transnational repatriation. The authors conclude that despite the attractiveness of the transnational approach to repatriation for the diaspora actors, given its potential as a resource for uniting the Circassian national movement, the possibilities of its application in the current conditions are still limited.

Keywords: Circassians, Caucasus, Repatriation, Diaspora, Nation-building, Transnational model of repatriation

---